

Ценности и идентификация молодого поколения российской и польской интеллигенции (по результатам сравнительного исследования опросов студентов вузов Москвы и Варшавы; статья 2-я)

Томаш Зарицкий

Статья опубликована в журнале *"Вестник общественного мнения"* (2006. № 5, с. 51-65) издаваемом Аналитическим Центром Юрия Левады.

В предыдущей статье [1] показано, какую роль на пути московских и варшавских студентов к статусу интеллигенции играет культурный капитал в его объективном значении. На конкретном материале были подтверждены гипотезы о высокой степени зависимости доступности к высшему образованию, в особенности к образованию в столичных вузах, от уровня культурного капитала, которым обладают родители студентов. Наиболее сильно это проявляется в Москве, где наблюдается выраженный эффект «репродукции» образованного слоя интеллигенции.

Интеллигентская идентичность на фоне культурной и политической идентичностей

В данной статье представлены результаты, касающиеся самоопределения студентов обоих городов в рамках традиционной интеллигентской идентичности и ее идеологических факторов. Прежде всего, мы пытались ответить на вопрос, в какой мере нынешние студенты Москвы и Варшавы считают себя интеллигентами. Этот вопрос в проведенном в 2004 году опросе был задан напрямую, но идентичность «интеллигент» была включена в список других идентичностей, потенциально конкурентных для интеллигентской идентичности, таких, как «представитель

среднего класса», «интеллектуал» и пр. Методологически вопрос разработан как развитие вопроса о марксистской идентичности, который регулярно включался в анкеты коллектива профессора Стефана Новака [2]. Это позволило сравнить результаты исследований разных лет и соединить различные типы идентичностей в одном вопросе (полный список идентичностей см. в табл. 1).

Рассмотрим вначале общие закономерности, установленные в анализе ответов на вопросы об идентичности. Прежде всего: среди варшавских студентов никогда не было слишком много людей, считающих себя марксистами. К концу 70-х годов таковых не набиралось и 20-ти %, а после 1981 г. их доля была уже менее 10-ти %. В 2004 г. и в Москве, и в Варшаве марксистами посчитали себя по 3% опрошенных. Различие между студентами обоих городов в их отношении к идентичности «марксист» наиболее выразительно проявилось лишь в долях тех, кто уклонился от самоопределения по позиции «марксист»: в Москве эта доля составила 23%, в Варшаве — 13%, при этом в Варшаве в 1978 г. «ушли» от ответа 35% опрошенных. В опросе 2004 г. московские студенты в целом намного чаще отказывались от самоопределения своей идентичности в предложенных категориях: 27% не смогли определить свое отношение к идентичности «государственник», что вызывает удивление, поскольку эта категория в российском политическом дискурсе гораздо более популярна, чем в варшавском. Примерно столько же студентов Москвы не определилось относительно идентичности «социалист», и 25% опрошенных не знали, могут ли они идентифицировать себя как либералов. Меньше всего «уходов» от самоопределения приходится на категории «представитель среднего класса» и «интеллигент» (12 и 14% соответственно). В Варшаве уклонившихся от ответов по этим категориям оказалось меньше на несколько процентных пунктов.

Таблица 1. Распределение ответов на вопрос «Считаете ли Вы себя...?»

(В % от числа опрошенных по каждой категории)

		Безусловно, да	Скорее, да	Скорее, нет	Определенно нет	Затрудн. ответить
Социалистом	M	4	12	21	38	26
	W	2	9	20	46	14
Консерватором	M	4	16	23	35	23
	W	4	21	32	33	11
Государственником	M	4	20	22	27	27
	W	4	17	31	31	17
Представителем среднего класса	M	23	44	13	8	12
	W	24	50	12	6	9
Европейцем	M	18	35	16	14	18
	W	47	39	6	3	4
Либералом	M	8	31	19	17	25
	W	12	38	24	13	14
Интеллектуалом	M	19	44	15	8	14
	W	21	54	12	3	8
Интеллектуалом	M	15	47	16	6	16
	W	20	55	15	3	8
Марксистом (вопрос Стефана Новака)	M	1	2	15	59	23
	W	1	2	16	67	13
Варшава 83		2	5	20	47	26
Варшава 78		3	11	24	22	35
Варшава 61		2	16	31	28	22
Варшава 58		2	15	34	34	17

В целом студенты Москвы и Варшавы неохотно идентифицируют себя как «социалистов», «консерваторов» и «государственников». Однако в Москве идентичность «социалист» оказалась почти в 1,5 раза более популярной, чем в Варшаве. «Консерваторов» больше в Варшаве, а «государственников» несколько больше в Москве. Не слишком высокими оказались показатели самоидентификации студентов с «либералами», но преимущество Варшавы здесь очевидное. В общем виде рейтинг идентичностей у студентов Москвы и Варшавы выглядит следующим образом (табл. 2).

Таблица 2. Рейтинг идентичностей

(Сумма ответов «безусловно да» и «скорее, да»)

№ п/п	Москва		Варшава	
	Идентичность	%	Идентичность	%
1.	Представитель среднего класса	67	Европеец	86
2.	Интеллигент	63	Интеллигент	75
3.	Интеллектуал	62	Интеллектуал	75
4.	Европеец	53	Представитель среднего класса	74
5.	Либерал	39	Либерал	50
6.	Государственник	24	Консерватор	25
7.	Консерватор	20	Государственник	21
8.	Социалист	16	Социалист	11
9.	Марксист	3	Марксист	3

Таблица 3 представляет собой матрицу связей между выбранными идентичностями (коэффициенты корреляции Пирсона). Прежде всего обращает на себя внимание явно более высокий уровень взаимосвязей в варшавской выборке. Почти все идентичности тесно взаимосвязаны и имеют положительную корреляцию. Исключение составляет лишь взаимосвязь уровня религиозности и идентичности «государственник»: здесь корреляция минимально отрицательная. Это относится и к московской выборке, и здесь, возможно, следовало бы говорить об определенной независимости представлений о сильном государстве и о роли церкви как альтернативных моделей формирования социального капитала, или, иными словами, социальной общности. Для варшавских студентов такие представления не характерны.

В обеих выборках идентичности интеллектуала и интеллигента связаны теснее всего (в Варшаве на уровне — $r=0,584$; в Москве — $r=0,535$). Это можно интерпретировать как довольно слабое различие этих идентичностей как у студентов Польши, так и России. Следующей по силе связи парой идентичностей является в обеих выборках пара «социалист — государственник», а следующей за этой парой — пара «интеллигент/интеллектуал — либерал». Применительно к обоим городам можно говорить о явном синдроме, распространяющемся на эти три идентичности, а также на идентичность «европеец». Как уже говорилось, в варшавской выборке все связи — сильнее. У варшавских студентов указанные выше идентичности связаны (хотя и гораздо слабее)

с идентичностью «представитель среднего класса». Иначе говоря, хотя в Варшаве связь этих идентичностей весьма слабая, но ни в коем случае нельзя говорить об их альтернативности, в то время как в Москве идентичности «интеллигент» и «представитель среднего класса» практически независимы.

Таблица 3. Матрица коэффициентов корреляции Пирсона между выбранными идентичностями

(Московская выборка — поддиагональная часть матрицы; варшавская выборка — наддиагональная часть; представлены связи с уровнем значимости ниже 0,01; связи с уровнем значимости в пределах 0,01-0,05 обозначены звездочкой)

Варшава Москва	Социалист	Государственник	Европеец	Либерал	Интеллигент	Интеллектуал	Представит. средн. класса	Религиозность
Социалист	1	0,449	0,145	0,245	0,214	0,245	0,201	0,005
Государственник	0,300	1	0,164	0,230	0,250	0,249	0,159	-0,143
Европеец	0,051*	0,092	1	0,253	0,303	0,278	0,274	
Либерал		0,122	0,269	1	0,344	0,309	0,202	0,138
Интеллигент		0,082	0,212	0,231	1	0,584	0,241	
Интеллектуал	0,073	0,148	0,155	0,221	0,535	1	0,237	
Представитель среднего класса		0,036	0,093	0,051	0,080	0,103	1	
Религиозность		-0,064*						1

В таблицах 4-7 показаны связи идентичностей «интеллигент» и «представитель среднего класса с типами семей респондентов. Нельзя сказать, что эти связи неожиданны. В Москве самое высокое эмпирическое значение идентичности «интеллигент» получили ответы респондентов, происходящих из семей творческой интеллигенции, за ними следуют дети служащих и предпринимателей. В Варшаве на первое место по сумме ответов «безусловно да» и «скорее, да» выдвинулись дети из интеллигентских семей, а за ними — дети из аристократических/шляхетских семей. Самый низкий уровень интеллигентской идентификации приходится в обеих выборках на детей крестьян и рабочих (однако в московской выборке студентов из крестьянских семей было так мало, что вряд ли есть основание делать уверенные выводы о предпочитаемой идентичности в среде этих студентов).

Идентичность «представитель среднего класса» в Москве наиболее предпочитаема (по доле ответов «безусловно да») студентами из семей рабочих, которые, как мы помним, реже других идентифицируют себя как интеллигентов. Применительно к этой группе студентов можно вполне обоснованно говорить об определенном уровне альтернативности этих двух идентичностей. Следующая группа московских студентов, безусловно выбравших идентичность «представитель среднего класса», — это дети из семей творческой интеллигенции, которые, кстати, по сумме ответов «безусловно да» и «скорее, да» даже опережают студентов из семей рабочих. Примечательно, что в наименьшей мере идентифицируют себя как представителей среднего класса студенты из семей предпринимателей — меньше, чем в среднем. Для них, как видно из табл. 4, более предпочтительна идентичность «интеллигент» — хотя бы по факту получения ими высшего образования.

Выбор идентичности «представитель среднего класса» студентами из различных типов семей в варшавской выборке имеет более «нормальный» характер. Прежде всего ее выбирают студенты из семей ремесленников, за ними следуют студенты из семей предпринимателей. Достаточно высока доля студентов, идентифицирующих себя со средним классом, среди выходцев из аристократических/шляхетских семей, но в силу специфики этой группы и ее малочисленности это можно рассматривать как исключение из правила. Следует обратить внимание на то, что студенты из мещанских семей и семей служащих, идентифицирующие себя со средним классом, находятся по доле ответов на более высоком уровне, чем выходцы из семей ремесленников, крестьянских семей и семей рабочих, чьи показатели близки к средним.

Таблица 4. Выбор идентичности «интеллигент» в зависимости от типа семьи (Москва)

Тип семьи	Считаете ли Вы себя интеллигентом?					
	Безусловно, да	Скорее, да	Скорее, нет	Определенно нет	Затрудн. ответить	Всего
Ученые, преподаватели вузов, творческая интеллигенция	25	49	15	3	8	100
Служащие (инженеры, врачи, учителя, юристы и т.п.)	18	47	14	8	13	100
Крестьяне (кроме фермеров)	-	-	-	-	-	-
Рабочие	15	35	18	11	20	100
Предприниматели, включая фермеров	23	38	16	7	16	100
Другой / воспитывался в детском доме	18	29	12	18	24	100
В среднем	19	44	15	8	14	100

Таблица 5. Выбор идентичности «представитель среднего класса» в зависимости от типа семьи (Москва)

Тип семьи	Считаете ли Вы себя представителем среднего класса?					
	Безусловно, да	Скорее, да	Скорее, нет	Определенно нет	Затрудн. ответить	Всего
Ученые, преподаватели вузов, творческая интеллигенция	26	44	11	8	11	100
Служащие (инженеры, врачи, учителя, юристы и т.п.)	22	47	14	8	10	100
Крестьяне (кроме фермеров)	-	-	-	-	-	-
Рабочие	30	38	10	7	15	100
Предприниматели, включая фермеров	20	44	12	11	13	100
Другой / воспитывался в детском доме	6	35	24	6	29	100
В среднем	23	44	13	8	12	100

Таблица 6. Выбор идентичности «интеллигент» в зависимости от типа семьи (Варшава)

Тип семьи	Считаете ли Вы себя интеллигентом?					
	Безусловно, да	Скорее, да	Скорее, нет	Определенно нет	Затрудн. ответить	Всего
Интеллигентская	30	53	7	3	7	100
Крестьянская	9	62	18	2	9	100
Рабочие	14	60	16	3	8	100
Шляхетская / аристократическая	33	44	7	2	14	100
Служащие	17	56	12	6	9	100
Предприниматели	17	55	10	5	12	100
Мещанская	19	51	17	3	10	100
Ремесленники	21	44	15	-	21	100
Другой / воспитывался в детском доме	8	49	19	5	19	100
В среднем	21	54	12	3	9	100

Таблица 7. Выбор идентичности «представитель среднего класса» в зависимости от типа семьи (Варшава)

Тип семьи	Считаете ли Вы себя представителем среднего класса?					
	Безусловно, да	Скорее, да	Скорее, нет	Определенно нет	Затрудн. ответить	Всего
Интеллигентская	22	51	12	7	8	100
Крестьянская	22	49	14	6	10	100
Рабочие	21	51	12	8	9	100
Шляхетская / аристократическая	28	49	14	5	5	100
Служащие	24	56	14	2	4	100
Предприниматели	29	44	15	5	8	100
Мещанская	26	50	11	2	10	100
Ремесленники	49	34	10	2	5	100
Другой / воспитывался в детском доме	18	34	21	5	21	100
В среднем	24	50	13	5	8	100

Вера в интеллигенцию и ее миссию

Исследование этой проблематики основано на анализе ответов московских и варшавских студентов на вопросы о перспективах интеллигенции в их странах, о ее положительной и отрицательной роли в обществе. В обоих городах более половины опрошенных (табл. 8) демонстрируют высокий уровень оптимизма в отношении будущего интеллигенции, при этом варшавские студенты меньше опасаются, что роль интеллигенции в обществе будет уменьшаться или что она исчезнет совсем.

Таблица 8. Как Вы думаете, каково будущее у интеллигенции в России / Польше?

(В % к числу опрошенных в каждом городе)

	Москва	Варшава
У интеллигенции большое будущее; она будет укрепляться	22	23
Она будет играть свою роль, но скорее всего ее значение будет не большим, чем сейчас	48	60
Ее роль скорее всего не будет расти	17	11
Ее роль будет уменьшаться	8	5
Ей уготовано скорое исчезновение	5	2

Мотивация позиций респондентов в отношении будущего интеллигенции косвенно содержится в их ответах на вопрос о том, какую роль играет (может играть) интеллигенция в выполнении определенных общественных функций. Из множества возможных ролей респондентам было предложено оценить 7 типичных функций интеллигенции. Большинство студентов обоих городов признается, что в выполнении всех функций интеллигенция играет более или менее важную роль (табл. 9). Однако мера согласия опрошенных на выполнение интеллигенцией отдельных ролей существенно различается. В обоих городах ключевой функцией интеллигенции студенты считают «представительство страны на международной арене», но доли ответов такого рода в Москве и Варшаве существенно различаются (60% в Варшаве и 37% — в Москве), как, впрочем, и по большинству других функций интеллигенции.

Таблица 9. Как Вы думаете, какую роль должна играть интеллигенция в выполнении следующих общественных функций?

(В % к числу опрошенных в каждом городе)

Функции интеллигенции			Главную	Важную, но не главную	Полезную, но не очень важную	В этой функции интеллигенция бесполезна	Интеллигенция вообще не должна это выполнять	Затрудняюсь ответить
	М	В						
Совести народа	М	25	29	22	7	4	12	
	В	30	42	20	3	1	4	
Инициатора рыночных перемен	М	10	24	27	18	8	13	
	В	29	40	18	5	3	6	
Защиты страны от популистов	М	10	21	25	14	4	25	
	В	30	39	20	5	1	6	
Представителя страны на международной арене	М	37	30	14	7	4	9	
	В	60	30	8	1	0	1	
Гаранта сохранения народной самобытности, преимущества культурных и исторических традиций	М	36	28	18	7	2	9	
	В	51	33	12	2	0	2	
Главного фактора формирования современного гражданского общества по западному образцу	М	20	26	22	8	11	13	
	В	29	42	18	5	3	4	
Защитника слабых социальных групп	М	21	26	21	14	7	12	
	В	24	39	23	8	3	3	

Различия между городами характеризуются не только силой убежденности в необходимости выполнения интеллигенцией тех или иных ролей, но и приоритетами этих ролей. В Варшаве, например, функция интеллигенции как защитника слабых социальных групп оказалась на последнем месте, что, скорее всего, отражает слабость «левых» установок польской интеллигенции. Однако же и в Москве эта функция интеллигенции нашла у студентов слабую поддержку. Но меньше всего надежд московские студенты возлагают на интеллигенцию в ее функции защиты страны от популистов. Мы полагаем, что это прежде всего результат очень слабого включения московского студенчества в проблематику популизма — во всяком случае в оценках этой роли интеллигенции самая высокая

доля затруднившихся ответить (25% по сравнению с 6% в Варшаве). Безусловно это различие связано с разницей в интенсивности бытования понятия «популизм» в российском и польском политическом дискурсе, особенно в электронных масс-медиа. Если принять во внимание фактор нечувствительности россиян к проблемам популизма, то оказывается, что московские студенты в минимальной степени готовы поддержать интеллигенцию в ее функции инициатора рыночных перемен. В этом плане отличие москвичей от варшавян связано, вероятнее всего, с их менее рыночными и более просоциальными установками.

Второе место по эмпирическому наполнению в обоих городах заняла роль интеллигенции как гаранта сохранения народной самобытности, преемственности культурных и исторических традиций: 51% варшавян и 36% москвичей признали ключевой эту роль интеллигенции. Стоит, однако, отметить, что затруднившихся оценить эту роль интеллигенции среди московских студентов — 9%, а среди варшавских — только 2%. Эта разница свидетельствует о значительно большем значении польской интеллигенции в формировании национальной идентичности, что можно объяснить исторической слабостью польского государства по сравнению с российским, в особенности на протяжении последних двух столетий.

На третьем месте в обеих выборках оказалась универсальная роль интеллигенции как «совести народа», но в Варшаве ей придается такое же значение, как и роли инициатора рыночных перемен. Практически на этом же уровне варшавские студенты поддерживают интеллигенцию как главный фактор формирования современного гражданского общества по западному образцу. Это легко понять, учитывая большую предвзятость россиян по отношению к Западу, и свидетельством тому — как меньшая, чем в Варшаве, доля поддерживающих интеллигенцию в этой роли, так и самая высокая доля ее противников среди московских студентов.

Чрезвычайно интересные результаты дал анализ ответов на вопрос об отрицательной роли интеллигенции в жизни общества. Студентам было предложено определить меру своего согласия с негативными суждениями об интеллигенции, которые были сформулированы в результате пилотажных опросов как студентов, так и представителей интеллигенции. В табл. 10 представлено

распределение ответов о мере согласия с 4-мя «обвинениями» интеллигенции. Единственная вина, которую утвердил большинством голосов студенческий «суд присяжных», это то, что «интеллигенция составляет большинство в элитах власти, науки, СМИ и культуры и не допускает в них людей не из своего круга». С этим мнением в большей или меньшей степени согласились 60% студентов польской столицы; не согласились с этим мнением 34% варшавян. Больше, чем в другом, в этом обвиняют интеллигенцию и московские студенты (41%), но противников этой точки зрения оказалось все-таки больше — 44%.

Следующая «вина» интеллигенции, по мнению студентов, заключается в том, что она «постоянно демонстрирует презрение к людям из низших классов, углубляя культурные и социальные различия». С этим мнением согласились примерно по трети студентов в Москве и Варшаве. Правда, здесь следует оговориться, что на ответы респондентов, возможно, повлияла слишком прямолинейная и острая формулировка «вины», хотя не исключено и то, студенты в гораздо меньшей мере идентифицируют себя с «низшими классами», чем с лицами «вне круга интеллигенции», а невключенность в этот круг многими студентами может ощущаться лично.

Таблица 10. Мера согласия с суждениями об отрицательной роли интеллигенции в обществе

(В % к числу опрошенных в каждом городе)

		Полностью согласен	Скорее, согласен	Скорее, не согласен	Совершенно не согласен	Затрудняюсь ответить
Пользуясь своим влиянием, интеллигенция постоянно очерняет страну на международной арене и таким образом ослабляет ее	М	8	13	36	28	16
	В	6	18	41	26	8
Интеллигенция не поддерживает дух предпринимательства и напрямую разрушает его, поскольку пренебрегает деловыми людьми	М	5	21	34	22	18
	В	5	20	41	26	8
Интеллигенция составляет большинство в элитах власти, науки, СМИ и культуры и не допускает в них людей не из своего круга	М	12	29	26	18	15
	В	20	40	23	11	6
Интеллигенция постоянно демонстрирует презрение к людям из низших классов, углубляя культурные и социальные различия	М	10	20	28	27	15
	В	11	23	34	23	9

Обвинение интеллигенции в том, что она, «пользуясь своим влиянием, постоянно очерняет страну на международной арене и таким образом ослабляет ее», поддержала наименьшая доля студентов: 21% — в Москве и 24% — в Варшаве. С обвинением в том, что «интеллигенция не поддерживает дух предпринимательства и напрямую разрушает его», согласна чуть большая доля респондентов (по 25% в обоих городах). Однако московских студентов, не определившихся в своем отношении к последнему обвинению интеллигенции, оказалось вдвое больше, чем варшавских. Следует заметить, что применительно ко всем обвинениям интеллигенции студенты Москвы вдвое чаще затруднялись определить свое отношение, чем варшавяне. И эта разница, как и другие результаты исследования, свидетельствует об очевидной тенденции: проблемы интеллигенции и ее миссии гораздо более актуальны в современной Польше, чем в России, и кроме того, для самих польских интеллигентов и особенно для их молодого поколения роль интеллигенции представляется весьма спорной.

Анализ корреляции между степенью интеллигентской идентификации и уровнем поддержки обвинений интеллигенции выявил в московской выборке обратно пропорциональную зависимость: чем сильнее интеллигентская идентификация, тем меньше согласия с критическими высказываниями в адрес интеллигенции. Коэффициенты корреляции Пирсона статистически значимы и колеблются в пределах от $r=-0,190$ в случае обвинения в элитарности до $r=-0,148$ в случае обвинения в презрении к людям из низших социальных слоев. В варшавской выборке нет статистически значимых связей между степенью интеллигентской идентификации и уровнем поддержки обвинений интеллигенции. Примечательно, что в обоих городах наличествует заметная, статистически значимая связь между уровнем семейного культурного капитала [3] и уровнем критичности по отношению к интеллигенции. В обеих выборках эта связь имеет отрицательное значение (чем выше культурный капитал, тем ниже поддержка негативных высказываний об интеллигенции), но в Варшаве эта зависимость сильнее и колеблется от $r=-0,116$ до $r=-0,156$ (в Москве от $r=-0,074$ до $r=-0,123$). Возможно, это — свидетельство мировоззренческих различий, иначе говоря, большей в Польше, чем в России, «демократичности» или самокритичности группы, претендующей на интеллигентскую идентичность. Но вряд ли эта связь является следствием более выраженной неоднородности по социальному происхождению польских студентов, претендующих на интеллигентскую идентичность, поскольку связь между такой идентичностью и культурным наследием, полученным в семьях, выражена в обеих выборках достаточно заметно. В Москве эта зависимость находится на уровне $r=0,100$, в Варшаве — на уровне $r=0,129$. Важно также отметить, что и в Москве, и в Варшаве убежденность в позитивных функциях интеллигенции связана и со степенью интеллигентской идентификации: от $r = 0,102$ до $r = 0,146$ в Москве (кроме роли защитника слабых социальных групп) и от $r=0,095$ до $r=0,195$ — в Варшаве (для всех положительных ролей интеллигенции, оцениваемых респондентами). Здесь следует упомянуть, что существенной связи между отнесением себя к среднему классу и позитивным либо негативным отношением к интеллигенции не обнаружено.

Аргументом в пользу того, что в Польше роль интеллигенции в ее символическом значении оценивается выше, чем в России, являются ответы на вопрос о том, какими чертами должен обладать политик,

за которого респондент мог бы проголосовать на выборах (табл. 11). Для студентов обоих городов важнейшей характеристикой хорошего политика является всесторонняя образованность. В Москве второе место заняла способность политика быть экспертом в области экономики, а в Варшаве второе место отведено для интеллигентного политика, человека духовного и культурного. Доля варшавских студентов, назвавших эту черту, в 1,5 раза больше, чем московских. Представляется, что это — очередное, достаточно выразительное подтверждение более высокой в Польше, чем в России, значимости статуса «интеллигентности», а иначе как можно было бы интерпретировать, что для 2/3 опрошенных варшавских студентов политик, не соответствующий интеллигентским нормам, не достоин этого звания.

Таблица 11. Какими чертами должен обладать хороший политик, за которого Вы могли бы проголосовать?

(В % к числу опрошенных в каждой выборке; сумма ответов превышает 100%, поскольку респонденты могли дать до 3-х ответов)

Вариант ответа	Москва	Варшава
Быть всесторонне образованным человеком	76	72
Представлять экономические интересы мои и моей социальной группы	31	29
Быть интеллигентом, человеком духовным и культурным	37	58
Быть экспертом в области экономики	50	48
Быть независимым от политических партий	32	34
Защищать слабые социальные слои	32	24
Обладать другими чертами	7	13
Затрудняюсь ответить	5	1

Третьей по значимости чертой хорошего политика является для студентов обоих городов независимость от политических партий (по 1/3 опрошенных). У московских студентов третье место наряду с независимостью от политических партий делит требование, чтобы политик защищал слабые слои общества. У студентов Варшавы это требование к политику несколько ниже, и это свидетельствует об их более слабых эгалитарных установках в экономическом плане.

Идеалы молодого поколения интеллигенции

Эмпирической базой анализа жизненных позиций молодежи, на основе которого можно делать выводы о ценностях младшего

поколения российской и польской интеллигенции, послужили ответы на ряд вопросов, которые задавались ранее в исследованиях коллектива Стефана Новака. Эти ответы не только позволяют сравнивать уровень прагматичности и степени отхода московских и варшавских студентов от традиционных интеллигентских идеалов, но и создают в случае польской выборки очень важный исторический фон.

Ответы на вопрос о том, какую жизненную позицию должен занимать обычный человек, свидетельствуют, что варшавские студенты оказались более «идейными», чем москвичи (табл. 12). Однако эта идейность оказалась несколько слабее, чем у их предшественников начала 80-х годов и конца эпохи Эдварда Герека (конец 70-х годов).

Таблица 12. Какую жизненную позицию должен занимать обычный человек?

(В % к числу опрошенных в соответствующих выборках) [Вопрос С. Новака]

	Москва, 2004	Варшава		
		1978	1983	2004
Выполнять только то, что он обязан, поскольку он все равно не может повлиять на жизнь общества	17	12	14	13
Глубже вникать в жизнь общества и включаться в ее улучшение там, где он считает нужным	64	75	77	70
У меня нет мнения на этот счет	19	13	9	17

Дальнейшая часть вопроса демонстрирует еще большие различия (табл. 13). Из тех, кто считает включенность в жизнь общества обязательной для обычного человека, только 16% московских студентов и 19% — варшавских думают, что вникать в жизнь общества и включаться в ее улучшение следует только тогда, когда человека к этому поощряют. Однако в Москве больше, чем в Варшаве, оказалось «радикально» настроенных студентов, считающих, что глубже вникать в жизнь общества человеку следует даже тогда, когда ему в этом мешают и когда он лично рискует (21% против 17% в Варшаве).

Таблица 13. Если Вы думаете, что обычный человек должен глубже вникать в жизнь общества, то должен ли он, по вашему мнению...

В % к числу положительно ответивших на предыдущий вопрос) [Вопрос С. Новака]

	Москва, 2004	Варшава		
		1978	1983	2004
Делать это только тогда, когда его к этому поощряют, иначе он может заработать неприятности	10	8	5	16
Делать это и тогда, когда никто его об этом не просит и когда он действует на некоторый собственный риск	60	64	13	67
Он должен делать это и тогда, когда его не только об этом не просят, но и пытаются явно мешать его действиям и когда он лично серьезно рискует	21	27	82	17

Обращают на себя внимание резкие отличия в ответах в исследованиях 1978 и 1983 гг. Даже в конце 70-х годов уровень «идейности» варшавских студентов был выше, чем в настоящем, а в год отмены военного положения он был, исходя из сегодняшней ситуации, невероятно высоким: практически 2/3 студентов декларировало убежденность в необходимости безоглядного вмешательства в жизнь общества.

Что касается отношения к патриотизму, то хотя столь же точной ретроспективной информации недостаточно, тем не менее сравнение данных нашего исследования с данными только 1958 года показывает, что уровень веры в традиционный патриотизм существенно понизился. Однако и сегодня 59% московских и 43% варшавских студентов по-прежнему в той или иной мере не соглашались с утверждением, что патриотизм в начале XXI-го века стал устаревшим понятием (табл. 14).

Таблица 14. Согласны ли Вы с теми, кто утверждает, что в начале XXI века патриотизм стал устаревшим понятием?

(В % к числу опрошенных в каждой выборке) [Вопрос С. Новака]

	Москва, 2004	Варшава	
		2004	1958
Безусловно да	10	7	4
Скорее, да	28	28	11
Скорее, нет	29	36	26
Определенно нет	24	23	50
Затрудняюсь ответить	10	7	9

Аналогичная картина вырисовывается в анализе ответов на вопрос о жизненных целях и устремлениях студентов в сравнении с данными, полученными коллективом С. Новака. В формулировке вопроса (табл. 15) подчеркивается, что речь идет о глубоких устремлениях, иногда даже потаенных, вне зависимости от возможности их реализации. В обеих столицах в качестве самого главного желания чаще всего называлось «достижение достойного профессионального положения и ведение относительно спокойной и комфортабельной жизни с реализацией личных интересов». По сумме ответов «самое главное желание» и «важное, но не главное» это устремление в Варшаве делит первое место с целью «вести жизнь в кругу любимых и любящих друзей». В Москве стремление «достичь достойного профессионального положения и вести относительно спокойную и комфортабельную жизнь, реализуя личные интересы» по сумме ответов уходит с совсем незначительным отрывом на второе место, а первое — остается за стремлением вести жизнь в кругу любимых и любящих друзей. Таким образом, по этим двум позициям прослеживается явное сходство устремлений московских и варшавских студентов. Третьей целью, признанной очень главной либо важной, но не главной, студенты назвали «достижение уважения людей своими личными качествами и деятельностью» (90% в Варшаве и 83% — в Москве).

Далее приоритеты целей у москвичей и варшавян расходятся. В Москве 4-е и 5-е места делят устремления «вести яркую, полную впечатлений жизнь, дающую всю полноту переживаний, даже ценой риска» и «добиться высокой должности и возможности принимать важные решения» (58 и 57% соответственно). В Варшаве эти цели заняли 6-е место, а 4-е и 5-е места пришлись на следующие

устремления: «реализовать определенные идейные и общественные ценности, соответствующие своим убеждениям» и «получать удовлетворение от того, что моя деятельность, даже на скромном поприще — общественно полезна» (69 и 66% соответственно). В Москве последние две цели получили поддержку у 42% студентов, а общественную полезность деятельности как жизненную цель считают не важной или совсем не признают 25% опрошенных.

Таблица 15. Какие из приведенных в списке жизненных целей и устремлений, независимо от возможности их реализации, ближе всего Вашим даже потаенным желаниям, а какие — не особенно или совсем не важны?

(В % к числу опрошенных, по строкам) [Вопрос С. Новака]

Жизненные цели и устремления студентов		Это мое самое главное желание	Это мое большое, но не главное желание	Это для меня не особенно важно	Это не является моим желанием	Я — противник этого
Добиться достойного профессионального положения и вести относительно спокойную и комфортабельную жизнь, реализуя личные интересы	М	38	49	9	3	1
	В	62	32	4	1	1
Внести новый существенный вклад в мировую культуру за счет личных интеллектуальных, научных или художественных достижений	М	4	30	40	24	2
	В	9	39	34	17	1
Нажить большое состояние и получить все связанные с этим привилегии	М	6	42	32	15	5
	В	5	27	41	22	4
Получать удовлетворение от того, что моя деятельность, даже на скромном поприще — общественно полезна	М	2	40	33	20	5
	В	9	57	25	8	1
Вести яркую, полную впечатлений жизнь (даже ценой риска), дающую всю полноту переживаний	М	10	48	25	13	4
	В	11	34	30	19	6

Реализовать определенные идейные и общественные ценности, соответствующие моим собственным убеждениям	М	3	39	34	20	4
	В	13	56	21	8	2
Добиться высокой должности и возможности принимать важные решения	М	5	52	29	12	3
	В	7	35	35	17	6
Вести жизнь в кругу любимых и любящих меня людей	М	13	76	8	3	1
	В	25	69	5	1	0
Добиться высокого положения в сфере власти и влиять на решение общественных и политических дел	М	3	22	32	32	12
	В	2	13	27	30	27
Самосовершенствоваться по образцу важного для меня морального идеала	М	3	46	28	16	7
	В	10	36	27	19	9
Достичь шумного успеха, славы и всеобщего признания за счет моих профессиональных, научных или интеллектуальных достижений	М	3	29	31	30	8
	В	4	19	33	30	14
Добиться уважения людей своими личными качествами и деятельностью	М	9	74	11	4	1
	В	24	66	8	2	1

У московских студентов гораздо популярнее, чем у варшавских, такая жизненная цель, как большое состояние и получение всех связанных с этим привилегий (48 и 32% соответственно), но в Варшаве чаще, чем в Москве, в качестве очень важной и важной цели называли «внесение нового существенного вклада в мировую культуру за счет личных интеллектуальных, научных или художественных достижений» (48% в Варшаве и 34% — в Москве).

Две жизненные цели из всего оцениваемого списка большинством опрошенных признаны не важными и даже противоречащими устремлениям студентов. Они одинаковы в обеих столицах, но степень отказа от них существенно различается. Если в Москве достижение высокого положения в сфере власти и возможности влиять на решение общественных и политических дел противоречит жизненным устремлениям 44-х % студентов, то в Варшаве у 57% студентов эта цель совсем не входит в жизненные планы. А достижение шумного успеха, славы и всеобщего признания не является идеалом для 38% москвичей и 44% варшавян.

Представляется, что более высокий уровень «идеализма» варшавских студентов, последовательно декларирующих меньшую заинтересованность приземленными и сиюминутными благами и почестями, может быть пересмотрен в свете ответов на все составляющие вопроса о целях жизни. Можно, конечно, задуматься и о том, насколько искренен идеализм младшего поколения польской интеллигенции, но даже признавая, что в какой-то мере он является элементом приспособления к социальному контексту или «символического давления», сам этот факт указывает на различия в значимости ценностей между московскими и варшавскими студентами.

Аналогичные выводы следуют и из анализа ответов на вопрос о мотивах выбора тех факультетов, на которых учатся опрошенные (табл. 16 и 17). Правда, последовательность мотивов (по эмпирическому наполнению) практически идентична в обеих столицах: 1) собственный интерес к данной области знаний, 2) наличие способностей, 3) профессия хорошо оплачивается, 4) престижность профессии, 5) общественная полезность работы в этой области, 6) влияние семьи, 7) легкость поступления на этот факультет. Различия проявляются в доле студентов, указывающих один и тот же мотив в каждой из столиц, и логика этих различий подобна той, которую мы наблюдали в ответах на вопрос о жизненных целях. Варшавяне значительно чаще называют цели «высокие» и «идеалистичные», такие, как общественная полезность деятельности, или мотивируют выбор факультета такими факторами, как собственные способности и заинтересованность в будущей профессии, в то время как москвичи более открыто говорят о хорошей оплате и престижности получаемой профессии. Вызывает удивление, что в Москве в 2 раза чаще, чем в Варшаве, студенты выбор факультета связывают с влиянием семьи. Может быть, российские студенты ощущают большую зависимость от рынка и влияния семьи, чем варшавские? Во всяком случае, их ответы свидетельствуют именно об этом, разве что мы примем гипотезу, что варшавяне по каким-то причинам считают, что им стоит продемонстрировать определенную независимость от действия этих факторов.

Таблица 16. Мотивы выбора факультета*(В % к числу опрошенных, по строкам) [Вопрос С. Новака]*

		Этот фактор...			
		был главным	был важным, но не главным	был несущественным	не повлиял вообще
Интерес к данной области знаний	М	46	35	12	6
	В	56	35	7	3
Убеждение, что эта профессия хорошо оплачивается	М	24	44	18	14
	В	12	34	29	25
Стремление получить профессию, которую уважают в обществе	М	18	37	26	19
	В	10	35	32	23
Мои способности	М	32	40	17	11
	В	35	47	13	4
Убеждение, что по окончании этого факультета я буду выполнять важные общественные задачи	М	13	24	31	31
	В	14	31	32	24
Влияние семьи	М	19	24	23	34
	В	5	16	24	54
Влияние учителей	М	3	7	18	72
	В	1	6	15	78
Контакты со студентами данного факультета	М	6	11	15	68
	В	3	9	16	72
Представление, что на этот факультет легче поступить, чем на другие	М	6	12	18	64
	В	5	12	17	66
Другие факторы	М	4	2	1	93
	В	7	9	5	79

Дополнением к картине явно более высокого уровня «идеализма» варшавских студентов являются различия в степени религиозности обеих изучаемых групп. Было совершенно естественным предположить, что религиозность варшавян значительно выше, чем москвичей (табл. 17). Но разница в религиозности не столь значительна, как разница в частоте религиозных практик (табл. 18). Неверующих среди московских студентов в два раза больше, чем среди варшавских, и, с другой стороны, глубоко верующих варшавян в два раза больше, чем москвичей. Однако доля верующих и сомневающихся в вопросах веры идентична в обоих городах. Сравнение данных, полученных в предшествующих исследованиях

студентов Варшавы, показывает, что на протяжении последних трех десятилетий доля неверующих систематически уменьшалась. По отношению к 1983 году в настоящее время стало несколько меньше глубоко верующих, но вряд ли стоит говорить о падении уровня религиозности.

Для варшавских студентов характерна относительно высокая религиозная активность: треть из них посещают религиозные службы по крайней мере один раз в неделю. В Москве таких не более 3%! Более трети московских студентов не бывают на религиозных службах хотя бы раз в году, в Варшаве таких студентов — 12%.

Таблица 17. Отношение к религии

(В % к числу опрошенных в каждой выборке)

	Москва, 2004	Варшава		
		1978	1983	2004
Неверующий	19	40	18	10
Сомневающийся в вопросах веры	24	-	11	21
Верующий	54	50	59	60
Глубоко верующий	4	11	12	9

Таблица 18. Распределение ответов на вопрос «Посещаете ли Вы религиозные службы (кроме венчаний, крестин, похорон)? Если да, то как часто?»

(В % к числу опрошенных)

	Москва	Варшава
Никогда	34	12
Реже, чем один раз в году	26	6
Один раз в году	11	5
Несколько раз в году	22	24
Один раз в месяц	3	7
Два-три раза в месяц	2	14
Один раз в неделю	1	29
Несколько раз в неделю	1	2
Ежедневно	0.3	0.5

Интегрированность исторического сознания студентов

Наряду с социальными воззрениями важным элементом интеллигентской идентичности является отношение к истории своей страны, форма ее оценки. Как известно, последовательная,

критическая интерпретация истории коммунистического периода была очень сильной стороной оппозиционной польской интеллигенции в коммунистической Польше. В данном исследовании мы провели очень интересный эксперимент, задав студентам обоих городов вопрос, разработанный по схеме, которую использовал С. Новак при изучении оценок определенных периодов истории Польской народной республики. Чтобы сохранить сравнимость вопроса, мы сформулировали его в косвенной форме, т.е. мы просили респондентов дать не прямую оценку тех или иных исторических периодов, а предположить, как эти периоды будут оцениваться историками через несколько десятилетий.

Таблицы 19 и 20 показывают, что точки зрения московских и варшавских студентов на историю коммунистического периода диаметрально противоположны. Картина истории в глазах москвичей намного более непоследовательна, в ней нет однозначных мнений, что, наоборот, очень характерно для ответов варшавян. Более того, студенты Москвы и Варшавы серьезно различаются и по оценкам одних и тех же периодов. Самые серьезные отличия приходятся на оценки посткоммунистического периода: в то время как в Польше этот период оценивается безусловно положительно и лучше, чем все другие (почти так же, как период «Первой Солидарности»), в России этот же самый период, приходящийся примерно на годы правления Б. Ельцина, оценивается сегодня московскими студентами как самый черный период в истории страны, начиная с 1917 года. Почти так же оценивается период «перестройки», приходящийся на годы правления М. Горбачева.

Таблица 19. Как, по Вашему мнению, через несколько десятилетий историками будут оцениваться следующие периоды истории России?

(В % к числу опрошенных студентов Москвы, по строкам) [Вопрос С. Новака]

	Безусловно положительно	Скорее, положительно, но с подчеркиванием негативных элементов	Скорее, отрицательно, но с подчеркиванием позитивных элементов	Безусловно отрицательно	Затрудняюсь ответить	Сумма положительных ответов	Сумма отрицательных ответов
Исследование 2004 г.							
1917-1928 (годы революции и установления советской власти)	9	22	34	19	16	31	53
1929-1953 (период индустриализации, годы правления И. Сталина)	8	27	34	19	13	35	53
1954-1964 (годы правления Н. Хрущева)	5	28	37	11	19	33	48
1965-1982 (годы правления Л. Брежнева)	4	23	36	15	22	27	51
1985-1991 (перестройка, годы правления М. Горбачева)	5	25	31	26	14	30	57
1992-1999 (годы правления Б. Ельцина)	5	23	28	31	13	28	59

Ни один период истории России не имеет преимущества положительных оценок над негативными. Максимум положительных оценок приходится на период И. Сталина (35%), минимум негативных — на период Н. Хрущева (48%). Труднее всего московским студентам было высказать свою точку зрения на период правления Л. Брежнева — здесь затруднились с ответом 22% опрошенных; в Польше эта ситуация относится к периоду правления первого после 1945 года коммунистического лидера Б. Берута. Интересна динамика оценок этого периода (по данным

предыдущих исследований студентов). Его очень критическая оценка в 50-х годах резко изменилась в положительную сторону в 70-е годы, чтобы с начала 80-х начать систематически падать. Изменилась также оценка периода правления Э. Герека, которого студенты к концу его 10-тилетнего правления оценили очень высоко, сегодня же этот период оценивается критически, хотя и лучше, чем годы правления Вл. Гомулки и В. Ярузельского.

Таблица 20. Как, по Вашему мнению, через несколько десятилетий историками будут оцениваться следующие периоды истории Польши?
(В % к числу опрошенных студентов Варшавы в каждой выборке, по строкам) [Вопрос С. Новака]

	Безусловно положительно	Скорее, положительно, но с подчеркиванием негативных элементов	Скорее, отрицательно, но с подчеркиванием позитивных элементов	Безусловно отрицательно	Затрудняюсь ответить	Сумма положительных ответов	Сумма отрицательных ответов
Исследование 2004 г.							
1945-1955 (годы правления Б. Берута)	1	9	22	42	25	10	64
1956-1970 (годы правления Вл. Гомулки)	1	10	36	32	21	11	68
1970-1979 (годы правления Э. Герека)	4	19	36	25	18	23	61
1980-1981 (период «Первой Солидарности»)	24	42	17	4	12	66	21
1982-1989 (годы правления В. Ярузельского)	2	16	39	29	15	18	68
1989-2001 (первые годы после падения коммунизма)	16	53	15	5	11	69	20
Исследование 1956 г.							
1982-1989 (годы правления Б. Берута)	1	27	56	15	0	28	71
Исследование 1958 г.							

1945-1955 (годы правления Б. Берута)	1	26	55	18	0	27	73
Исследование 1961 г.							
1945-1955 (годы правления Б. Берута)	1	54	38	4	0	55	42
Исследование 1978 г.							
1945-1955 (годы правления Б. Берута)	18	47	25	4	8	65	29
1956-1970 (годы правления Вл. Гомулки)	2	51	42	5	8	53	47
1970-1979 (годы правления Э. Герека)	10	55	29	5	8	65	34
Исследование 1983 г.							
1945-1955 (годы правления Б. Берута)	7	32	37	25	9	39	62
1956-1970 (годы правления Вл. Гомулки)	2	43	45	8	9	45	53
1970-1979 (годы правления Э. Герека)	2	19	61	18	8	21	79
1980-1981 (период «Первой Солидарности»)	10	64	14	2	9	74	16
1982-1983 (первые годы правления В. Ярузельского)	3	21	37	39	10	24	76

Самый важный вывод из представленного здесь анализа — это гораздо большая согласованность взглядов польских студентов, оценивающих различные периоды новейшей истории более однозначно, чем студенты Москвы. Представляется, что это — еще один аспект структурной пестроты молодого поколения российской интеллигенции, не объединенного едиными ценностями, общим видением истории, что в определенной мере может объяснить характер газет, которые читает молодежь (табл. 21 и 22).

Прежде всего отметим, что доля московских студентов, вообще не читающих газет, — тревожно высока — 38% (в Варшаве таких 11%), и на этом фоне информационные телевизионные программы становятся главным источником информации о мире. Различия в чтении газет между москвичами и варшавянами проступают еще резче при сравнении характера читаемых газет. В Варшаве после бесплатных газет («Метро» и «Метрополь»), которые мы здесь не будем учитывать, первое место занимает «Gazeta Wyborcza» («Газета выборча»). Второе место занимает «Rzeczpospolita» [4] (12%). Таблоиды «Fakt» и «Super-express» читает минимальная доля студентов. В московской выборке картина обратная: первые места занимают газеты, которые, если и нельзя впрямую назвать таблоидами, они тем не менее не могут относиться к «серьезным газетам, сравнимым с польской «Газетой выборчей» или газетой «Rzeczpospolita». Это — «Московский комсомолец», «Спорт-экспресс» и «Комсомольская правда». Из серьезных газет московские студенты читают «Коммерсант», «Известия» и «Независимую газету», но доля читающих эти газеты находится в пределах 2-8%, и эта величина существенно меньше той, которая отражает чтение серьезных центральных газет варшавскими студентами. Очевидно, это в значительной мере связано с разницей в тиражах газет. Одна из самых читаемых ежедневных газет, «Комсомольская правда», которая, по сути, — таблоид, выходит тиражом 700 000 экземпляров. Сегодня самая популярная в Польше газета — это тоже таблоид «Fakt», и ее тираж составляет 500 тыс. экземпляров. Здесь важно напомнить, что население России почти в 4 раза больше, чем население Польши. И при этом тираж наиболее читаемых серьезных «Известий» — 200 тыс., а тираж польской «Газеты выборчей» — около 450 тыс. и новой газеты «Dziennik Polska-Europa-Świat» — 200 тыс. Различия в тиражах газет относительно численности населения — даже больше, чем в случае

сравнения масштаба чтения газет студентами. Это — лишь очередное подтверждение чрезвычайно ограниченной сферы влияния прессы на социально-политическую жизнь в современной России. А ограниченное влияние прессы можно рассматривать как ограничение влияния культурного капитала и его элит. Ведь пресса является одной из ключевых сфер влияния интеллектуальных элит на жизнь своей страны.

Таблица 21. Чтение ежедневной прессы варшавскими студентами

(В % к числу опрошенных)

Вид издания	%
Metro/Metropol	34
Gazeta Wyborcza	33
Rzeczpospolita	12
Fakt	3
Superexpress	2
Zycie Warszawy	2
Другие	4
Не читаю газет	11

Таблица 22. Чтение ежедневной прессы московскими студентами

(В % к числу опрошенных)

Вид издания	%
Московский комсомолец	15
Спорт-экспресс	13
Аргументы и факты	10
Комсомольская правда	8
Коммерсант	7
Известия	3
Независимая газета	2
Московские новости	1
Труд	1
Ведомости	1
Жизнь	1
Мир новостей	1
Российская газета	1
Другие	11
Не читаю газет	38

Данные о чтении студентами прессы можно интерпретировать как информацию о силе общественного давления на возможности обладания актуальными сведениями о мире людьми, стремящимися к высшему образованию и претендующими на особую социальную роль. О 15-ти процентах московских студентов, читающих серьезные газеты, можно сказать, что они находятся в абсолютном меньшинстве, а чтение ими газет — это, скорее, проявление оригинальности, чем доминирующей тенденции. Пестрота и дробность читаемых газет являются в России характерной чертой современной интеллектуальной жизни, в которой нет иерархии центров, масс-медиа и интеллектуальных сред. В Польше согласованность и выраженная иерархия интеллектуального поля позволяют интеллигенции в значительно большей мере сохранить свою идентичность и мировоззрение и дают ей единый язык для общения и определения своих ценностей. Все это настолько усиливает польскую интеллигенцию, что некоторые ее представители, как свидетельствуют результаты исследования, считают ее доминирующей неформальной группой.

Музыкальные вкусы как аспект стандартов культурного потребления

В качестве важного элемента культурного капитала в исследовании рассматривался стиль жизни и как один из его аспектов — предпочтения музыкальных жанров. Мы опирались прежде всего на исследования П. Бурдые [5], идеями которого в Польше руководствовался Х. Доманский [6].

Студентов обеих столиц спрашивали об отношении к 8-ми более или менее согласованным и сравнимым музыкальным жанрам. Названия двух из них адаптированы применительно к польской и российской традиции. Это два направления популярной эстрадной музыки — высшее и низшее. Высшее направление связано с популярными певцами (в хорошем смысле слова «популярный»), достаточно принятыми и продвинутыми как центральными масс-медиа, так и адресованными студенческой молодежи. В польской анкете примерами такого направления были певицы Кайя и Наталия Кукульска, в российской — Леонид Агутин и Анжелика Варум. Другое направление эстрадной популярной музыки («попса» — в пейоративном смысле слова «популярный») — низшее, имеющее

более низкий престиж среди интеллигенции. В польской анкете как пример этого направления были представлены ансамбли «Их трое» и «Диско-поло» (подвид этого направления). В московской анкете представителями этого направления были певцы Ф. Киркоров, А. Апина и ансамбль «Иванушки-Интернэшнл».

Иерархия популярности 8-ми выделенных музыкальных жанров в обеих выборках практически одинакова (табл. 23). У москвичей на первом месте оказалась классическая музыка, а на втором — рок. В Варшаве наоборот: рок — на первом месте, а на втором — классическая музыка. Третье место в Москве заняли «рэп, хип-хоп, альтернатива» и «джаз, блюз», в Варшаве — «джаз, блюз» и авторская (бардовская) песня. Распределение на низших позициях также оказалось похожим. Большая часть студентов не признает «попсу», но степень неприятия попсы в Польше выше, чем в России. Эта разница может быть следствием того, что в польской анкете упоминался подвид попсы «Диско-поло», который не только имеет весьма выразительную социальную коннотацию, но и в значительной степени исключен из главных электронных масс-медиа. Российские исполнители этого направления не несут на себе такое клеймо и отнюдь не исключены из государственных масс-медиа. Стоит, однако, напомнить, что и «Диско-поло» в свое время замелькало на экранах польских телевизоров и интенсивно использовалось некоторыми польскими политическими партиями в своих избирательных кампаниях. Следует упомянуть и о непосредственной связи российского и польского низшего направления популярной музыки, а именно о том факте, что многие польские исполнители в стиле «Диско-поло» используют российские мелодии из не слишком престижной популярной музыки. Типичный пример — это популярность в Польше мелодии «Белые розы» ансамбля «Ласковый май», но такие заимствования касаются и многих других исполнителей. В этом контексте можно допустить, что более высокая доля варшавских

Таблица 23. Насколько Вы любите музыку следующих жанров?

(В % к числу опрошенных в каждом городе, по строкам)

		Это мой любимый музыкальн. жанр	Это хотя и не самая любимая музыка, но она мне нравится	Эта музыка мне не очень нравится	Совсем не люблю эту музыку
Джаз, блюз	М	1	37	30	23
	В	12	45	29	14
Этническая музыка	М	6	29	35	30
	В	4	37	40	19
Авторская (бардовская) песня (в польской анкете: Г. Турнау, В. Млынарский, «Stare Dobre Małżeństwo»; в российской анкете: Ю. Ким, Тимур Шаов)	М	7	31	34	28
	В	10	41	32	17
Российский / польский и зарубежный рок	М	30	37	20	13
	В	36	44	17	4
Рэп, хип-хоп, альтернатива	М	16	32	28	24
	В	17	33	28	23
Поп-музыка (в польской анкете: Кайя, Н. Кукульска; в российской анкете: Л. Агутин, А. Варум)	М	9	26	30	36
	В	6	34	38	21
Эстрадная попсовая музыка (в Польше: «Их трое», «Диско-поло»; в России: Ф. Киркоров, А. Апина, «Иванушки Интернэшнл»)	М	8	20	27	46
	В	1	7	20	72
Классическая музыка	М	19	54	19	8
	В	11	57	24	9

студентов, не признающих популярную музыку, есть следствие не только формы ее определения в польской анкете, но и более высоких образцов ожидаемого «культурного» поведения в варшавской университетской среде. Похоже на то, что варшавский студент, стремящийся к статусу интеллигента или хотя бы человека образованного, в большей степени, чем московский, ощущает — сознательно или подсознательно — давление, формирующее его музыкальные вкусы (а шире — культурные) в соответствии с ожидаемым образцом. В таком случае можно говорить о более

важной роли культурного капитала в «усвоенной» [7] форме как аспекте социальной дифференциации в Польше.

Выводы

Представленные результаты исследования однозначно свидетельствуют, что в неформальном, или, в терминологии Бурдьё, «усвоенном» измерении роль культурного капитала в современной Польше намного значительней, чем в России. Как показано в предыдущей статье, в институциональном плане, особенно, если речь идет о доступности высшего образования, Россия оказалась страной, где культурный капитал семьи в значительно большей мере определяет шансы социального продвижения. В Польше культурный капитал является значимым критерием социальной жизни и прежде всего — значимости роли интеллигенции, которая формально может быть определена как класс «культурных капиталистов» (в противоположность классическим капиталистам — так называемым экономическим — и «государственным капиталистам», т.е. управленческой элите и связанным с ней группам).

Варшавские студенты чаще идентифицируют себя с интеллигенцией и более оптимистично видят ее будущее, мотивируя это видение важностью тех задач, которые она, по их мнению, выполняет. В Польше явственней наблюдается неформальное доминирование интеллигенции в жизни страны. Возникает целостная картина, в свете которой социальное происхождение или образование родителей играют для польских студентов не столь важную роль в социальном продвижении, как для российских. По сравнению с Россией в Польше в гораздо большей степени важным фактором социального продвижения считается трудно уловимый фактор доступности к элитарным интеллигентским сферам, имеющим дружеский характер. Показателями принадлежности к этим сферам являются, наряду с другими, вкус и стиль жизни, которые, как показывает анализ музыкальных предпочтений, характеризуются более сильной в Польше, чем в России, иерархичностью.

Обращает на себя внимание более высокий в Польше уровень типично интеллигентских деклараций веры в идеалистические ценности. Проверить искренность этих деклараций трудно, но их можно интерпретировать как следствие более сильного социального

давления, вынуждающего к идентификации с интеллигентской моралью как с элементом высокого социального статуса.

Если изложенные выводы верны и применимы к обществам в целом (а не только к студентам), то можно сказать, что влияние культурного капитала на механизмы социальной стратификации в России очень точно описывает цитированная в предыдущей статье работа Пьера Бурдьё «Воспроизводство» [8]. Для описания роли культурного капитала в Польше более адекватен другой труд Бурдьё «Различия» [9], в котором он сосредоточился на анализе роли стиля жизни как фактора социальной иерархии.

Перевод с польского Э. Азарх

Примечания

[1] Зарицкий Т. Культурный капитал и доступность высшего образования // Вестник общественного мнения... 2006, № 2(82). С. 47-61.

[2] В предыдущей статье описаны характеристики исследования 2004 года, которое в большой степени было инспирировано исследованиями варшавских студентов, в течение нескольких десятилетий проводимыми коллективом проф. С. Новака (см. *Studenci Warszawy. Studium długofalowych przemian postaw i wartości*. Ed. S. Nowak. Warszawa: Wydawnictwa uniwersytetu Warszawskiego, 1991).

[3] Структура этого индекса описана в предыдущей статье (Зарицкий Т. Указ. соч.)

[4] Не исключено, что сегодня второе место занял бы «Dziennik», но он начал издаваться только в начале 2006 г.

[5] Bourdieu, P. *Distinction. A Social Critique of the Judgement of Taste*. London: Routledge & Kegan Paul, 1985.

[6] Domański, H. *Hierarchie i bariery społeczne w latach dziewięćdziesiątych*. Warszawa: Instytut Spraw Publicznych, 2000.

[7] Bourdieu P. The Forms of Capital // Handbook of Theory and Research for Sociology of Education / Ed. J.G. Richardson. N.Y., Westport, Connecticut, London: Greenwood Press, 1986.

[8] Bourdieu P. & Passeron J.-C. *La reproduction. Eléments pour une théorie du système d'enseignement*. P.: Editions de Minuit, 1970.

[9] См. Чоску 5.

English version of this paper: Zarycki Tomasz (2007) The Values and Identification of the Younger Generation of the Russian and Polish Intelligentsia: (Based on a Comparative Survey of College and University Students in Moscow and Warsaw), [*Russian Education & Society*, vol. 49 \(11\)](#) November 2007, pp. 5 – 38.